Комментарий
5 июня 2026

Поиск переговорщика с Россией как индикатор кризиса в ЕС

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Если со стороны посмотреть на начавшуюся в Европейском союзе дискуссию о возможном спецпосланнике для переговоров с Россией, то сложно уйти от впечатления, что ЕС оказался в глубочайшем за всю свою историю кризисе.

27-28 мая в кипрском Лимасоле прошла неформальная встреча министров иностранных дел стран-членов ЕС. Это так называемый формат «Гимних», который с середины 1970-х годов используется для стратегических сессий-брейнстормингов, не предусматривающих протокольной строгости и официальных решений по итогам. В последнее время принято проводить такие встречи раз в полгода, в рамках каждого нового ротационного председательства в Совете ЕС.

Несмотря на стратегические ориентиры формата, ключевые темы на его неформальной повестке дня мало чем отличались от ежедневной текучки, с которой сейчас работают дипломаты из государств и институтов ЕС. Центральный блок касался ситуации на Ближнем Востоке. Говорили об Иране, Ормузском проливе, Ливане, Секторе Газа, Западном берегу реки Иордан и Израиле. Показательно, что специально приглашенными участниками встречи стали главы МИД Саудовской Аравии и Индии.

Отдельной строкой шла дискуссия о России и украинском кризисе. В дипломатических и экспертных кулуарах именно она создавала основной ажиотаж вокруг встречи в Лимасоле. Многие ожидали, что непротокольный статус разговора позволит продвинуться вперед в вопросе о возможном назначении спецпосланника Евросоюза для переговоров с Россией. В последние недели эта тема стала все более живо звучать на самых различных политических уровнях в Брюсселе и других европейских столицах.

Спецпосланник по России: быть или не быть?

По итогам заседаний министров иностранных дел в Лимасоле краткой информацией о их содержании со СМИ поделились глава МИД Кипра Константинос Комбос и Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Кая Каллас. Последняя некоторое время назад сама изъявляла желание стать основным переговорщиком с Россией. Учитывая должность Каллас, которая фактически является главным дипломатом всего Европейского союза, это естественное стремление, которое соответствует ее функциональным обязанностям. Но, учитывая ее личные и профессиональные характеристики, многие государства-члены ЕС смотрят на перспективы экс-премьера Эстонии в этой роли без особого энтузиазма.

Так как должностные лица, которым по штатному расписанию положено заниматься дипломатией от лица Евросоюза, в силу тех или иных причин не могут этого делать, и началась вся эта история с поиском посланника-переговорщика от единой Европы.

История, надо сказать, не только странная, но и, к сожалению, комичная.

> Она становится, пожалуй, самой яркой зарисовкой к тезису о том, что ЕС не только как никогда далек от искомого им статуса одного из ключевых геополитических акторов мира, но и находится во все более усугубляющемся кризисе. Этот кризис постепенно ставит вопрос о релевантности существующего институционального устройства Союза имеющимся мировым реалиям.

Судя по всему, неформальные дискуссии по российской теме на Кипре не привели ни к какому прогрессу. В ходе итогового подхода к прессе содержательно главному дипломату ЕС сказать было нечего. Кая Каллас лишь привычно повторила традиционные требования к России и подчеркнула, что та не демонстрирует желания их выполнять. А потому, по ее логике, и нет никаких предпосылок для дипломатического разговора с Москвой. В этой связи она вспомнила подготовленный ее командой в феврале дискуссионный материал, в котором условия для начала диалога с Россией представлены в таком виде, что даже в самом ЕС мало кто воспринял их без растерянной улыбки.

Отвечая на уточняющий вопрос журналиста по поводу перспектив назначить спецпредставителя для переговоров с Москвой, Каллас заявила, что «разговор был в основном по существу вопроса». Она сослалась на «широкий консенсус» о

важности вначале выработать общую позицию о повестке дня переговоров, а уже затем думать о персоналиях, которые будут представлять ЕС на таких переговорах. Эти слова также многое говорят о реальном положении дел в общеевропейской дипломатии по теме, которая, очевидно, является ключевой для самой возможности Евросоюза претендовать на какую-то геополитическую значимость.

Прежде всего, слова Верховного представителя ЕС указывают на отсутствие единства и, соответственно, общей содержательной позиции по вопросу будущих переговоров с Россией. В плане ценностной и нормативной оценки российско-украинской войны за столом в Лимасоле «широкий консенсус», без сомнения, был. Но вопрос «что делать?» в имеющихся реалиях явно уже давно перестал быть консенсусным среди 27 государств и ряда институтов ЕС.

> Более того, обрисованная Каллас методология движения к переговорам с Москвой в действительности является констатацией невозможности сдвинуться с мертвой точки.

При всей кажущейся очевидности того, что вначале важно иметь единую позицию и общее понимание целей и подходов, а уже затем определять переговорную команду, такая логика не соответствует институциональным и политическим особенностям ЕС.

Долгие наблюдения за европейским интеграционным проектом подсказывают, что достижение результата требует иного алгоритма. Вначале необходимо зафиксировать общее понимание, что Европейский союз хочет быть за столом переговоров. Затем важно решить, кто и в каком качестве будет представлять Союз в соответствующем переговорном процессе. А уже потом этот человек и его команда должны взять на себя архисложную работу по формированию общей переговорной рамки, которая будет приемлема для всех государств-членов ЕС.

Поиск посланника как отражение глубокого кризиса ЕС

Если же сделать еще один шаг в сторону и посмотреть на всю эту дискуссию о возможном спецпосланнике более отстраненно, то сложно уйти от впечатления, что ЕС оказался в глубочайшем за всю свою историю кризисе. В СМИ и публичных выступлениях европейских официальных лиц такой вывод пока еще не звучит. По крайней мере, прямолинейно и без прикрас. Но в дипломатических кулуарах и закрытых экспертных форматах он стремительно становится общепринятым.

Как на одной такой закрытой неофициальной встрече недавно подчеркнул бывший очень высокопоставленный европейский дипломат, серьезнейший кризис сегодня поверг три основы интеграционного проекта ЕС.

Во-первых, ранее «велосипед» европейской интеграции почти безостановочно двигался вперед на понимании того, что все страны-члены и институты в Брюсселе работали в разделяемых всеми единых интересах. *Во-вторых*, такое восприятие единого интереса естественным образом генерировало общеевропейскую солидарность. *В-третьих*, все это могло опираться на полноценное политическое лидерство и ответственное государственное управление.

Нельзя сказать, что сегодня все эти три опоры полностью утрачены. Но, как и подчеркнул упомянутый экс-дипломат, они столкнулись, пожалуй, с самым серьезным за всю историю ЕС кризисом.

> И это в том числе результат стремительного расширения Евросоюза, когда новые страны-члены привносили в него такие исторические, географические и культурные особенности, которые в рамках ориентира ЕС на единство интересов и целеполагания оказываются сегодня крайне сложными для «переваривания».

Проблема усугубляется тем, что не очень понятно, как в реальности Союз может справиться с этим кризисом. Как даже начать подходить к его разрешению?

Раньше все системные противоречия и кризисные явления снимались за счет переговоров об изменении базового соглашения ЕС и принятия его в новом виде. Сейчас же пока сложно себе даже представить, что растущие расхождения между государствами-членами и обостряющиеся политические противоречия внутри большинства из них могут позволить таким переговорам иметь хоть какой-то успех.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»